

К. ЖДАНОВ

В гости к «старцу» Распутину¹

(От нашего специального корреспондента.)

Маска сорвана

— «Святой»!

Иначе почти никто из аборигенов села Покровского и не называет «подвижника» своего села — Григория Распутина-Новых.

Это — здесь уличное прозвание «старца» сомнительной старости с не менее сомнительной репутацией. Ироническое определение «старца». Но это только здесь, в «отечестве своем «святой старец» не может освободиться от предательских кавычек.

В далекой же столице с ее блестящими салонами злая ирония широкой улицы захоlustья не преследует «святого» и то же определение «старца» дается ему без всяких стеснительных знаков:

— Святой старец.

А в оправдание «признания святости» Распутина приводится довольно туманная теория о «вечной злосчастной участи всех святых и подвижников, которых никогда еще не признавали в отечестве своем, клеветали на них, взводили напраслины» и т. д.

— Григорий Ефимович у нас просто не представляет счастливого исключения; как все святые великомученики, он должен претерпеть много горя, много испытаний. Так уж суждено ему, значит. В этом он обрел и путь себе в Царство Небесное! — не скупясь на дешевые

¹ Печатается по: Уральский край. 1910. 11 июня. № 124. С. 3; 1910. 15 июня. № 127. С. 3; 1910. 17 июня. № 129. С. 3; 18 июня. № 130. С. 3; 1910. 19 июня. № 131. С. 3; 22 июня. № 133. С. 3; 24 июня. № 135. С. 3; 1910. 29 июня. № 139. С. 3.

эффекты, пытаются аргументировать «святость» Распутина его сторонники, почитатели и поклонники, вернее, — почитательницы и поклонницы.

Только эти отжившие свой век, затасканные истины являются теперь смешными и неубедительными.

Здравый рассудок и логическое течение мысли, исключая как крупную аномалию слепую веру в казуистические афоризмы, одновременно до очевидности ясно указывают на то, что именно на месте родины, месте постоянного жительства, и нужно искать все данные для полной иллюстрации к характеристике той или иной «святой личности», несомненно, прославившейся, но вызывающей различные спорные, подчас диаметрально-противоположные друг другу заключения как в «отечестве», так и «на чужой земле».

Вблизи ведь виднее.

Издали же, пожалуй, близорукие еще могут, фантазируя, признавать черное белым.

Впрочем, в последнем отношении все почитательницы и почитатели «святых» вообще, а в частности — «святого» Распутина — именно и обладают такими «недюжинными способностями».

Но такие-то сторонники и нужны «святым старцам» — молодых и пожилых лет, — чтобы легче стяжать себе славу.

И, действительно, с ловкостью мазуриков «святые отцы» составляют себе популярность, находят фанатичных поклонников, преимущественно — поклонниц.

Так обстоит общая наличность условий в удушливой атмосфере вокруг и около «нового подвижника».

Григорий Распутин-Новых, благодаря сорванной маске, закончил карьеру «святого старца», заключился в иронические кавычки даже там, в петербургских салонах, где до сих пор все исходящее от него не считалось фальшивым, признавалось за чистую монету.

Но...

Как это ни странно, — «святой старец» продолжает еще волновать некоторые умы, интересовать общество, являться неистощимо богатым материалом для всякого рода бесед, споров.

Отсюда следует и заинтересованность печати.

Еще только что отправляясь в с. Покровское (отныне знаменитое!), нисколько еще не задаваясь целью предпринимать анкету относительно не старого «старца», я столкнулся уже с массой интересного материала, касающегося жизни и характера Григория Распутина-Новых, и должен был, таким образом, начать запись в моем bloc-notes значительно ранее прибытия на место назначения.

Чуть ли не буквально все пассажиры парохода, взятые вместе с командой, нет-нет касались в своем разговоре пресловутого подвижника.

По крайней мере, из личных моих собеседников решительно никто не обходился без того, чтобы не спросить меня или не рассказать мне что-нибудь о «старце» — Григории...

Интеллигентный господин пожилых лет, бывший мировой судья, рассказывает про одну из своих встреч с Григорием Распутиным.

— Григорий Распутин — просто мазурик. Как мировой судья, я часто прежде сталкивался с ним. Лицо его несколько характерное я запомнил достаточно хорошо. И вот года два тому назад, уже после того, как я его не видел несколько лет, встречаюсь с ним в одном из вагонов поезда на Николаевской ж[елезной] д[ороге]. Вагон был микст, 1-го и 2-го класса. Я ехал в 1 классе, а в соседнем купе ханжамазурик. Он, по-видимому, меня не узнал, т.к. я, оставив службу, за несколько лет изменился, вероятно, очень сильно. Пополнев, немного постарел, прифрантился. В свою очередь я сразу узнал Распутина.

Он же, как мне теперь кажется, признал меня за какого-нибудь коммерсанта, наметив жертвой для своего шантажа. Проходя несколько раз по коридору и все засматривая через открытую дверь в мое купе, он ясно этим обнаруживал свою заинтересованность. Не вытерпел, я вышел из купе в коридор: мне хотелось, чтобы он узнал меня. Тем не менее он не переставал обнаруживать свое желание завязать со мной «дорожное знакомство».

Наконец он, остановившись около соседнего окна, заговорил со мной относительно состояния хлебного урожая в Петербургской губ. После нескольких же слов, сказанных им мне как совершенно незнакомому лицу, я решил напомнить о себе, и с этой целью сказал: «А я вас, Григорий Ефимович, знаю. Помните (здесь был назван год и месяц) одно дело у мирового судьи?»

И представьте! Этого было вполне достаточно, чтобы Распутин первоначально стушевался, а затем исчез.

Командир парохода, ответив на мой вопрос, когда будет пароход в Покровском, сразу же заговорил о «св[ятом] Григории» и сообщил, что лоцман такой-то знает немало «казусных историй» из жизни «старца».

Позванный лоцман, действительно, чудеса рассказал: как Григорий Распутин пополняет комплект Ивановского женского монастыря...

Но об этом в отдельных очерках.

(От нашего специального корреспондента.)

I

Место родины Распутина

Старинное, основавшееся почти в первые годы покорения Сибири Ермаком, большое, даже — применяясь к общему быту русского крестьянства — богатое, с недурными, подчас хорошими, не без претензии на красоту, и новыми строениями, — село Покровское растянулось по левому берегу р[еки] Туры на низменной равнине, находящейся в 10 верстах от места впадения Туры в Тобол.

Общий вид села с реки производит довольно благоприятное впечатление, если не касаться бросающегося на первый же взгляд безлесья, которым отличаются берега судоходных рек Сибири. Среди растянувшихся крестьянских строений прежде всего обращает на себя внимание высокая белая колокольня новой каменной церкви.

Население в общем числе до 1400 «душ» (630 мужского пола, и свыше 700 ж[енского] п[ола]) заним[ает] 432 двора.

Лучшие дома помещаются на «Главной» улице, по которой проходит Тобольский тракт. (Покровское — по тракту в 80 верстах от Тюмени (а по реке около 150) и от Тобольска в 162 верстах).

Дом Распутина, относящийся также к лучшим, стоит здесь же.

Дом Распутина

Высокий, деревянный, на каменном фундаменте, дом Распутина в Покровском вполне претендует на хорошую городскую усадьбу, но назвать его, как по величине, так и по архитектуре, «первым в селе» — нельзя безусловно.

Правда, два этажа больших окон, красиво включенных в массивно выпуклые наличники, приличная (хотя по-деревенски пестрая) окраска, палисадничек — все это в общем составляет о доме достаточно выгодное впечатление.

Но, читая прежде проникавшие в печать преувеличенные сведения о роскоши дома Распутина, по которым можно было представлять какие-то хорошие боярские хоромы, пожалуй, даже целую гостиницу, вмещающую в себя, — помимо семейных Распутина и его 12 «сестер», располагающих каждая по комнате, — еще «массу столичных гостей», — невольно разочаровываешься: дом «святого старца» очень скромных размеров.

Фасадом в 3 окна, дом едва ли занимает даже полных 2 саж[ени].

Вглубь усадьбы — идет саж[еней] на 4.

Внутреннее помещение довольно ограниченное: в верхнем этаже — большая комната и две маленьких, а в нижнем — кухня и также две маленьких комнатки.

Разумеется, и это все очень и очень не походит на жилище «святого» хотя бы и в кавычках, особенно обстановкой.

Но к последнему еще придется вернуться в одном из последующих очерков, когда пойдет речь о моем первом визите, сделанном распутному «старцу» Григорию.

Также в недалеком будущем будет дана и иллюстрация сфотографированного дома, имеющего грязно-историческое значение.

II

Фамилия Распутиных

Распутины* — фамилия одних из тех крестьян, которые были основателями села Покровского.

Любопытно, между прочим, отметить несколько легендарное объяснение, упрочившееся среди крестьянства, тому, как произошла эта фамилия:

«Предки-то нашего “святого”, Григория-то, значит, вот не лучше его самого были. Пьянствовали, дебоширили завсегда, до женщин падки очень были, одно слово — распутничали... Григорий-то Ефимович ведь за последние годы только бросил пить и курить, а то — пропойца был, что спаси, Господи... Яблоко, значит, от яблони недалеко падает!.. Ну, так вот за распутничество-то и перекрестили их отцов-то Григория Ефимовича, в Распутиных... В общество долгое время не принимали. И родня также отказалась... Распутины раньше Распоповы были, да только, как конфуз этот вышел, сродственники первые на сходе, говорят, за то кричали, чтобы и из общества исключить и фамиль перекрестить...»

В данный момент старшим членом рода Распутиных является отец «святого старца» — Ефим Яковлевич. Это — семидесятилетний старик, среднего роста, крепкого телосложения, очень еще бодрый на вид.

Матери Григория Ефимовича в живых уже нет.

Сам «старец» имеет от роду 42 года, как об этом свидетельствует выписка из метрической книги, находящейся при церкви села Покровского.

* Известный до сих пор под именем Григория Распутина-*Новых* «святой старец» подписывается сам и называется всеми на месте своего жительства — Распутин *Новый*.

Среднего роста, узкоплечий, худощавый, с широкими («открытыми») серыми глазами, глубоко впавшими в орбиты, «блаженный старец» сразу и во всем проявляет себя как святоша.

Тон и тактику ханжи он не оставляет, кажется, никогда.

Одевается он обычно в рубашку-косоворотку, черные брюки и высокие лаковые сапоги.

В парадные дни «блаженный» пополняет свой туалет нагрудным крестом, пожалованным ему от Государя.

Это — золотой массивный крест с изображением распятия Иисуса Христа и с надписью на одной стороне — «Спаси и Храни», на другой — «Николай II».

Ввалившиеся в обведенные предательской синевой орбиты глаза Григория Распутина на людей слабонервных производят «сильное впечатление».

Разумеется, такое влияние «блаженный старец» может иметь *только* на слабых да преимущественно еще на истеричных барынек.

Аналогичное «влияние» имеют и монахи иногда, когда они особенно не стесняются в своих «конфиденциальных общениях с миром».

Ни о какой гипнотической силе таких глаз, какие у Распутина и других распутников, в полном смысле этого слова не может быть и речи.

Поддающиеся «гипнозу» распутинских глаз жертвы — жертвы самовнушения.

У Гр. Распутина не сильный взгляд, а просто нездоровый.

...Но об этом, в целях последовательности, пока не приходится детально вести речь и придется еще иметь случай ко всему этому вернуться.

Таким образом, покончив временно с беглым описанием личности «духовного гастролера в отставке», необходимо перейти к его потомству.

От своей законной супруги — Парасковьи Федоровны (кр[естьян]ки из дер[евни] Дубровной, Тюм[енского] у[езда]), по-видимому, когда-то крепкой, здоровой женщины, а теперь с болезненным выражением и на лице и во всей натуре, — Григорий Распутин имеет *3 детей*. (В печати за последнее время прошли неточные сведения.)

Сын — Дмитрий, 12 лет, и две дочери — Матрена, 11 л[ет], и Варвара — 9 л[ет].

Причисляет к своему семейству «блаженный» святоша и двух постоянно живущих у него «сестер», которых «духовно» он любит.

Обе они пожилых лет, некрасивые, живут в качестве пострадков (работниц), но отправляют свои обязанности безвозмездно.

V

Карьера святого

Счастливо составив карьеру святоши, Григорий отправляется «на благословение» к о[тцу] Иоанну Кронштадтскому...

Это был первый дальний выезд Распутина из родной Сибири, давший ему счастливую славу.

Но счастье не оставляет его и на чужбине.

Наоборот, оно улыбается ему на чужбине еще более, чем на родине.

Его «религиозный» разврат, его половая разнузданность, преподнесенные под особым соусом какой-то туманной теории «о спасении души путем плотских сношений», — пришлась по сердцу и вкусу столичных психопатов и психопаток...

Известно даже, как «Богородица-генеральша» провозгласила его, этого проходимца Распутина, Иисусом Христом...

Я не буду подробно говорить обо всем этом, тем более что во многом придется лишь повторять уже сказанное, а бегло коснусь нового, не проникавшего до сих пор в печать, факта из жизни «блаженного».

Этот факт очень хорошо иллюстрирует карьеру «святого старца».

Однажды (в 1906 г.), благодаря своим «влиятельным» поклонницам и поклонникам Распутин имел случай преподнести складную икону одному из высокопоставленных лиц. С этим временем как раз совпало произведенное первое неудавшееся покушение на это лицо.

Оправившись от испуга, сановник высказал свое убеждение, что он спасся благодаря иконе, преподнесенной ему Распутиным...

Это обстоятельство сразу сильно подняло Распутина, составило ему еще большую известность, а его опытные руководители, постоянно стоявшие за его спиной, поспешили воспользоваться «счастливым» случаем.

Слава «блаженного» быстро разрослась, но также быстро и пала.

«Гастролер» проворовался в конце концов на почве эротомании...

Беглыми штрихами дав в предыдущих очерках контур к иллюстрации жизни «старца» Григория «Выгула», касаясь преимущественно его «подвижничества» в родном селе, — я поделюсь теперь моими личными впечатлениями.

Попутно, конечно, продолжится и характеристика «подвижнической» жизни Распутина.

Визит к «святому»

Почти с первого момента, как я только сошел с парохода на Покровской пристани, — кстати сказать, представляющей из себя лишь песчаный берег с колышками для чалок! — несколько лиц уже знали о цели моего приезда и, разумеется, «секрета не делали», т. е., иначе говоря, сообщали «новость» чуть ли не на каждом перекрестке...

По крайней мере, выйдя в тот же вечер из квартиры с целью осмотреть село и его «достопримечательности», я уже слышал беззастенчивый шепот различных замечаний по моему адресу:

— Кто это?

— А это, паря, значит, «святого»-то нашего описывать приехал...

Поэтому, собираясь на следующий день утром к «святому», я небезосновательно предполагал, что он уже знает о моем приезде и что, следовательно, не отрекомендоваться журналистом я, пожалуй, не имею никакой возможности.

Тем не менее я задался целью — во что бы то ни стало проникнуть в дом «святого старца».

Будучи еще накануне ознакомленным с домом «святого» и даже сфотографировав его внешний вид, я без всякого труда нашел «святую обитель старца» и один, с смиренным видом благочестия вошел во двор.

Небольшой, чисто выметенный двор с хорошими, частью новыми службами.

Несколько свободных «тарантасов» и 2–3 коробка с впряженными лошадьми.

Под навесом (в другой стороне от лошадей) что-то зашевелилось, загремело цепью.

Первоначально я подумал, что там просто собака сидит на привязи, но это оказался — медвежонок.

На задних лапах он сделал несколько шагов вперед, пока цепь не натянулась и не уронила его.

Упавший со стоном медвежонок, загремевшая цепь — все это вызвало у меня какую-то странную ассоциацию идей.

Я быстро провел параллель между медвежонком, сидящем на цепи по воле «старца», и самим «старцем», найдя много общего между ними...

Так задумавшись, я машинально подошел к первому крыльцу, и только уж тогда, когда рванул дверь, заметил, что она снаружи

заложена большим железным болтом, какими обыкновенно в провинциальных захолустьях затворяют выходы у торговых помещений.

«В жилом доме и вдруг так крепко закрыто крыльцо, к чему это?!» — невольно поднялся вопрос.

Но злые иронические мысли рассеяли очень быстро недоумение.

«Это — вполне естественно, ведь разве можно святому в своем доме иметь парадный вход!»

С таким убеждением я отправился ко второму крыльцу, войдя через «черный ход» в нижний этаж.

Прежде всего я попал в довольно большую и светлую кухню, обставленную очень чисто.

Сразу же навстречу мне вышел прилично одетый (вполне погородскому) мальчик 12–13 лет (позднее я узнал, что был именно сын «старца» Распутин — Дмитрий), вопросительно уставившись на меня своими серыми глазами.

Спрашиваю:

— Григорий Ефимович дома?

— Да-да, дома, — как-то встревожено и быстро отвечает мальчик.

— Могу я его сейчас видеть, — начинаю, но мой юный собеседник не дослушивает меня, лихорадочно быстро скрываясь за дверью во внутренние покои.

Осматриваюсь кругом.

В «переднем углу», за небольшим столом, застланным «браной» скатертью и заставленным различными праздничными деревенскими яствами, тесно прижавшись друг к другу, сидят на скамейках, идущих вдоль стенок, и чайничают какие-то жалкие личности с видом «калик переходящих».

Вновь стремительно выбегает мальчик, обращаясь ко мне с вопросом:

— А вы кто будете и по какому делу?

— По личному делу, — заявил я категорически и убежденным тоном.

Мальчик удовлетворился вполне этим ответом и снова шмыгнул в двери, из которых, спустя полминуты, появился сам «старец» Григорий Ефимович Распутин-Новый, бросив на меня своими открытыми серыми глазами, глубоко ввалившимися в посиневшие орбиты, испытующий взгляд и обратившись с приветствием:

— Здравствуйте! — кланяется.

— Добрый день, — произнес я в ответ на приветствие «старца», ни на одно мгновение не спуская с него моего взгляда.

Опасаясь, что Распутин просто не станет продолжать со мной беседу и что, таким образом, в конец разрушится моя миссия, я от-

рекомендовался представителем нескольких *правых* (делаю ударение на этом слове) газет. Имею специальные директивы от одной из петербургских газет...

— Какой же это? — перебил меня «старец».

— Газеты... «Колокол», — не без некоторой заминки ответил я.

— Так, так, — заговорил он, неуверенно приотворяя два раза дверь, через которую вошел на кухню.

Наконец порывистым движением он отходит от дверей, делает несколько шагов мне навстречу и подает руку.

— Ну, так, миленький, пойдем вверх, в мою приемную.

Он идет впереди меня в выходную дверь, я следую за ним, рассматривая его туалет.

Чесучовая «косоворотка», подпоясанная шелковым шнуром, заканчивающимся кистями, черные суконные брюки, заправленные в высокие хорошие лакированные сапоги.

Фигура худощавая, среднего роста.

Голова Распутина имеет форму несколько заостренного котелка.

Волосы темно-русого цвета, подстрижены «крестьянской шапочкой»...

— Это моя большая комната, — пояснил мне Распутин, вводя меня по узкой лестнице наверх.

Обстановка комнаты безусловно хорошая, пожалуй, частью даже дорогая, но отнюдь только не роскошная, как это мне приходилось до сих пор слышать в частных беседах о «старце» и читать об этом в газетах.

Городская обстановка зажиточного дома — и только.

Дорогие портьеры, хорошие шторы.

Близ двери, ведущей в коридор, стоит письменный стол. В противоположном углу расставлена мягкая мебель в таком порядке, в каком обычно она выставляется в гостиных.

Диван, кресла по обеим его сторонам, гостиный столик, покрытый богатой скатертью, на котором несколько альбомов, — в углу хорошее зеркало.

Кругом венская мебель, ломберные столики. Несколько больших банок с цветами.

В «переднем углу» много икон.

По стенам развешаны поясные портреты членов Царствующего Дома, заключенные в рамки из красного дерева.

Письменный стол, около которого меня сразу поспешил посадить «старец», как бы опасаясь, чтобы я не мог рассмотреть все кругом, — из орехового дерева.

На столе, помимо письменных принадлежностей, стоит много карточек.

Узнать мне удалось только две карточки: карточку с отца Иоанна Кронштадтского, да еще — с группы, в которой снят сам «старец» Распутин среди двух лиц в военной форме (шт[абс]-кап[итан] лейб-гвардии Измайловского полка Ломин и команд. К[он]в[оя]. Е[го] И[мператорского] В[еличества] — Кочубей).

Рассматривать все и расспрашивать обо всем далее было уже неудобно.

— Ну, миленький, рассказывай твое дело.

Это фамильярное обращение ко мне «старца» удивило меня и, вероятно, заметив мой удивительный взгляд, «блаженный» поспешил оправдаться.

— Вы уж простите меня. Я так привык со всеми говорить: «миленький ты». Привык я еще вот говорить и при этом руку что ли гладить своей, значит. Привычка такая!

— Дурная привычка. Отвыкать нужно, — забыв про мою фиктивную роль, не мог я удержаться от замечания.

— Никто, как Бог, голубчик, во всем. Все мы люди и слабости нам разные присущи, — сразу тоном ханжи продолжал «старец». — А вот враги мои мне в вину это ставят. Будто бы я щупаюсь... А на самом деле я одинаков как с женщинами, так и с мужчинами. Привычка уж такая: все нужно вот так руками...

И своей холодной рукой он провел сначала мне по руке, а затем, положив другую руку на спину, коснулся моей груди и пояснил:

— Конечно. Врагов у меня много. Они и рады, Бог знает что из этого заключат... Ну, так, миленький, рассказывай.

(От нашего специального корреспондента.)

VI

Мне ничего не оставалось больше делать, как сочинять небылицы для «святого старца».

И я начал, что специально командирован сюда, в Покровское, узнать о жизни «старца».

— Ведь вам, разумеется, известно, что печатается теперь про вас в газетах, преимущественно в левых... Вот выдумали, что у вас 12 «сестер»

в доме живет, причем каждая по комнате располагают. А между тем у вас и дом-то уж не такой большой.

— Да напраслины на меня возводят. Живут у меня всего две сестры, или духовные дочери, как я еще называю их, — начал было откровенничать «святой», но спохватился и уже продолжал. — Надо вам сказать, — жена у меня больная, а гостей у меня бывает много и часто. Особенно вот по праздникам или воскресеньям, как сегодня, например. Готовить на кухне нужно много, конечно, жена не могла бы. Вот и приходится иметь помощниц...

«Помощницы жены» — удачное определение! — пронеслось у меня в мыслях.

«Блаженный» же продолжал:

— Вы видели на кухне народ-то сидит?! Это все — гости, хотя и, правда, простенькие. Сегодня от обедни, как и всегда, ко мне направились прямо поесть да попить. Всех принимаю. Богомольцев много бывает. Добро все хочешь людям сделать, а на тебя клеветают! Но ничего. Никто, как Бог! — патетически заключил свою мысль «старец», предлагая мне продолжать.

— От вас лично мне хотелось бы получить ответ на вопрос, касающийся теоретического оправдания некоторых ваших поступков. Например, относительно совместного вашего хождения в баню с женщинами для испытания лишь своей плоти. Правда, теория эта от вас исходит?

— Как теория? Это я не совсем хорошо понимаю, — попросил объяснить слово «теория», которое «блаженный», вероятно, не только много раз слышал, но, несомненно, употреблял и сам.

Но, допуская возможность того, что он искренно задавался обращенным ко мне вопросом, я начал:

— Теория — учение. Созерцательное настроение, обнимающее своим объяснением какой-либо определенный круг обстоятельств...

— Понимаю, понимаю. Я и знал, только не так сначала вас понял, — остановил меня «старец», а затем ответил и на повторенный мною вопрос. — Да, правда. Именно, не трудно бросить курить табак, если его нет, а трудно вот это сделать, когда кисет переполнен махоркой или папиросами. Так и с соблазном прелюбодеяния. Нужно видеть голую женщину, — пусть разгорается страсть, — а власти давать своей плоти не должен. Удалившись в пустыню, не трудно святую жизнь вести.

Он остановился, прищурил свои «глазные впадины», углубился на несколько мгновений вдаль и, неожиданно кинув на меня взгляд, полный недоверия и подозрительности, прибегнув к помощи своих

«гипнотизерских» приемов (пристальный взгляд и глажение руки), заговорил болезненно-умоляющим голосом:

— Миленький, не надо меня защищать. Лучше, спокойнее для меня было бы, если бы обо мне совсем ничего не писали. Ведь никто, как Бог! Все мы — люди. И грехи наши, ошибки не нам друг у друга взвешивать. Есть и у меня, конечно, ошибочки. Допустил я ошибок, правда, быть может, не мало даже... Но уж не надо было со мной так строго поступать. Отцу Феофану просто следовало быть милостивым. Ведь и сам он не без греха поди... А так человек он хороший. Вот уж и в ссоре мы с ним, но ничего не могу сказать про него, — вдруг ударился в характеристику Феофана «старец».

Через продолжительную паузу он сказал:

— Миленький, ты можешь быть со мною откровеннее... Скажи, что еще ты будешь здесь делать. Ведь я знаю: исключительно для меня тебя послали. Ты можешь поделиться со мной. Я никому ничего не скажу... Я знал еще в марте, что ты ко мне приедешь...

— Что именно я к вам приеду? — не без ударения переспросил я «старца».

— Да-да, о тебе писали из Петербурга.

— Кто же вам писал о моем приезде.

— Да уж там есть кому писать. Из тайной полиции... — беззастенчиво распространился «святой».

К чувству жалости прибавилось еще чувство гадливости.

Предо мной был просто ловкий мазурик, шарлатан, шарлатан самого низкого калибра, из-за которого не стоило даже прибегать к полицейскому крючкотворству.

Отказавшись от предложенного чая, я распрощался с «старцем».

Уходя, я увидел в окно все тех же обедающих нищих и трех женщин. О последних после узнал, что это и были «духовные дочери» «старца». Две «сестры», постоянно живущие в доме Распутина, и третья — генеральша Лохтина...

— Храни Бог! — снова донесся до меня голос ханжи.

.....

Встретившись с Распутиным второй раз на улице, я передал ему мою визитную карточку с «крамольными» газетами и сказал, что у него был в маске.

— Никто, как Бог! — оставаясь верным себе, произнес «старец».

(От нашего специального корреспондента.)

VII

После того, как я раскрыл пред Распутиным мои карты, мне, разумеется, и не приходила даже в голову мысль, что «святой» будет вновь приглашать меня к себе в гости.

Тем не менее действительность превзошла все мои ожидания.

— Миленький, но ты заезжай все же ко мне в гости-то, — сказал он, увидя меня на улице; сказал, хотя вкрадчивым голосом. — Никто, как Бог...

— Благодарю. Заеду, если удастся, — не без усилия ответил я «старцу».

Но прежде чем являться со вторым и, вероятно, уже последним «визитом» к «святому», я решил предварительно произвести экскурсию в область заинтересовавшего меня вопроса, какое впечатление от свидания с Распутиным могут выносить другие случайные и беспристрастные посетители «старца»?

Найти ответ на этот интересный вопрос мне быстро представился счастливый случай.

Одна интеллигентная девушка, проездом бывшая в Покровском, не отказалась посетить «старца» и затем поделиться со мной своими впечатлениями для печати.

Возвратившись от Распутина в несколько возбужденном, повышенном настроении, девушка заговорила взволнованным голосом:

— Я буквально не понимаю, что за человек этот Распутин?

— Ловкий мазурик, натасканный опытными в создании фиктивной «святости» руководителями, — попробовал я было ответить на вопрос.

Но девушка продолжала:

— Не спорю. Может быть. Но вот меня задачит его индивидуальная черта: несмотря на свою некрасивую, пожилую, даже и безобразную внешность, он тем не менее может почему-то располагать к себе.

— Но это только женщин...

— Пусть будет так, — перебила меня, входя в экзальтацию, собеседница, — не спорю! Но ответить трудно и на это... Первоначально, зайдя в дом к Распутину, я довольно долго не видела самого «старца». Он вышел уж только к чаю, когда я была приглашена за стол. У него какой-то странный взгляд...

— Больной, — подсказал я.

— Да-да, это верно, пожалуй, — обрадовано подхватила девушка. — Именно больной... Спросил меня о роде моих занятий, и когда я отве-

тила, сказал: «Доброе сердце везде нужно». Спросил, почему я одна, почему со мной не пришла моя квартирная хозяйка. (Единственная почти односельчанка Распутина, не посещающая его дом, несмотря на частые приглашения.) — «Я ее очень люблю. Только не подумайте, что я люблю ее плотски, нет! Я люблю ее, как духовную сестру, духовную любовью», — поспешил оговориться «старец». Так между нами завязался разговор, во время которого «старец», между прочим, все касался меня своими руками, говорил мне на ты, объясняя это привычкой и извиняясь.

«Святой» мазурик, оказывается, почти из слова в слово повторил и в этот раз, очевидно, уж зазубренный им аргумент в оправдание своей ловеласнической манеры, которая, впрочем, может одновременно считаться и «гипнотизерским» приемом.

— После чаепития, — продолжала моя собеседница, — я была приглашена перейти из столовой в «большую комнату», «старец», оставшись со мной tête-à-tête, разоткровенничался сильнее. Показывая мне обстановку своего дома, альбом с карточками и пр., он одновременно начал много говорить о себе. Затем он еще добавил: «Вот и о[тец] Феофан. Также теперь почему-то против меня, а недавно еще друзьями были. Удивляюсь! Так он человек хороший, и в споре я с ним, но ничего не могу дурного сказать про него».

На мой вопрос, не держал ли себя «старец» свободно, девушка несколько смущенно ответила:

— На первый раз он держал себя, несомненно, свободно и даже очень свободно, — не договаривая, очевидно, о чем-то более щекотливом, прервала свою речь моя собеседница.

Этой же девочке «старец» дал на «добрую память» фотографическую карточку с себя с надписью, сделанной собственноручно.

Крупные уродливые буквы.

— «испытание познание себя и с богом дружба григорий».

Между тем когда у него просил карточку я, будучи «с визитом», он почему-то не решился мне дать, предпочитая солгать, что у него вовсе нет с себя карточек.

Вообще с мужчинами «святой» держит себя совершенно иначе, значительно сдержаннее, боясь сказать одно лишнее слово.

Между прочим, добавила девушка, что, когда она беседовала с женой «старца», до его прихода, та, между прочим, в разговоре о доме и обстановке сообщила, что «дом так отстроил не сам Григорий Ефимович, а за него это сделали гости из Петербурга»...

(От нашего специального корреспондента.)

VIII

О Распутине друг его детства

В целях увеличения продуктивности моей работы по предпринятой анкете относительно распутного подвижничества «старца» Распутина мне пришлось посетить кроме с. Покровского еще несколько ближайших к нему селений, в которых имеются временные «резиденции святого» и в которых «святой» составил себе, пожалуй, большую популярность, чем в родном селе...

Кстати, небезынтересно подчеркнуть эту характерную черту пресловутого «старца», что своим «подвижничеством» он занимался более откровенно и более свободно преимущественно вне родного села. (Говорю в форме прошедшего времени — «занимался», т.к. в данное время юродивый распутник совершенно стушевался, ведет вполне замкнутый образ жизни, почти никуда не выходит, а тем более не выезжает... В селе он обязательно посещает все церковные службы, ходит еще с иконами по полям да занимается рыбной ловлей... Впрочем, обо всем этом — особо.)

Впрочем, и на стороне начинают узнавать истинную природу «старца».

Точным показателем мнения массы, безусловно не признающей «святость» «святого старца», служит то, что, сколько я не расспрашивал разных крестьян о «святом» Распутине, — все дают отрицательные, иронические отзывы.

Такой же, но особенно любопытный отзыв о «старце» дал и тот «друг его детства», с которым мне совсем случайно удалось столкнуться в дер. Дубровной.

Развитый, довольно начитанный крестьянин. (Состоит на службе по лесному ведомству.)

Спрашиваю как будто невзначай:

— А скажите, пожалуйста, вашу деревню часто посещает Распутин из Покровского? Вы, вероятно, его знаете?

— Это Гришку-то Вытула?! — хитро прищуривая глаза, спросил крестьянин.

— Да-да, «святого старца».

— «Святого»?! Гм. Как не знать, знаем. Ведь мы вместе с ним четыре класса в «университете» прошли, а из пятого нас выгнали, — не без злого сарказма заговорил мой словоохотливый собеседник.

Повторив о детстве «Вытула» кое-что уже известное нашим читателям, он не без злой иронии добавил:

— Не святой он, а жулик!..

Деревня Дубровка, оказывается, испытала на себе, что называется, центр тяжести «подвижничества старца».

Сюда «старец» часто приезжал, еще будучи только Гришкой Вытулом, т. е. когда ни о какой «святости» не было даже и речи.

Здесь он нашел себе и невесту. (Жена Распутина — б[ывшая] крестьянка дер[евни] Дубровной, Парасковья Федоровна Дубровина.)

Здесь же он нашел себе и последователей, вернее, последовательниц, а также устроил «главную квартиру» в доме кр[естьянина] Екима Дубровина, когда уже сделался «святым старцем».

— Особенно часто наезжал сюда святой Вытул раньше.

— Приезжал, да всегда цельным поездом. И барыни, и господа все какие-то с ним из Петербурга, сказывают, за ним ехали, а он их здесь дурачил. Соберет их всех, молитвы заставит петь, а затем барабаться к барынькам-то полезет... Для того, значит, чтобы освятить их... — ехидно рассказывает крестьянин.

— А что это за собрания были у них?

— Да вот приедут все «святые», а с ними иногда петербургские барыни...

— Почему вы сказали во множественном числе: святые?

— Так еще называют у нас трех тоже «старцев». Такие богомолы, как и Вытул.

— Кто же они такие?

— Николай Распутин, сродный брат Григория-то, затем Илья Арапов, высокий такой, рыжий мужик, в Покровском же живет и еще Николай Распутин, из Подбульги (дер[евни] Никитиной).

А то какой-то еще монах приезжал, имя его я забыл что-то...

— Илиодор что-ли?

— Да-да, припоминаю теперь. Илиодор. Так вот, соберутся это все в доме у Екима, сюда же и Харитинья придет, а то бывало и Козыловы, и начинают, значит, напившись чайку, молитвы петь.

— Вам не приходилось слышать, какие именно молитвы обыкновенно пелись в «собрании святых»?

— Приходилось так-то, только кто его знает, все-то и не запомнить. Знаю, что пели вот: «О, пресладкий Иисусе!», «Богородица Дево радуйся»... и еще новую, монах-то этот, Илиодор что-ли, выучил: «Торжествуйте, веселитесь»...

— Про какую Харитинью вы упомянули? — Поставил я вопрос, прикидываясь, что будто бы равно ничего не слышал об этой личности. Мне просто хотелось проверить ранее бывшие у меня сведения.

— А это вдовушка здесь есть такая.

Фамилия ее тоже Дубровина. К слову надо сказать, в нашей деревне почти сплошь все Дубровины, но вестимо, не все родня между собой... И лицом и телом она такая, хорошенькая. С ней года 2 уже как спутался Вытул, особенно прежде часто навещал. У ней в дому потом стал бывать, когда и с гостями даже своими. Мать Харитиньи Ивановны не позволяла наперво этого, ну а потом, как Григорий-то начал деньгами помогать всей семье, значит, так на его сторону перешла. Брат только Харитиньи Филипп Иванович один из всего семейства восставал против «святого» жулика...

На вопрос о Козыловых я выслушал:

— Козыловская история смешная. Видите ли, это целое семейство почитало сначала «святость» Гришки. Отец семейства, жена его и дочь все посещали «старца», и он в свою очередь у них в доме бывал. Но вот однажды дочь вдруг заявляет своим родителям, что она не пойдет больше к Распутину и чтобы он не смел у них в доме бывать. Говорит это, а причину всему этому не рассказывает. Отец и особенно мать ополчились на нее. Принудили деваху, ну, она и ляпнула: «Не хочу я его видеть... Какой он “святой”?.. Завсегда только и дела у него, что барабается...» Да сказала еще при этом, что «святой» и с матерью ее также поступает: лезет, значит, всегда к ней... Гурьян-то Иванович (отец Козылов) как узнал обо всем этом, так и вскипел, как вода в котле... «Святого» выгнал, в дом пускать совсем его не стал, и жене своей запретил к нему ходить... А дочь-то сама с радостью перестала.

Поинтересовался я и о личности хозяина «главной квартиры» Екиме Дубровине и случайно столкнулся с подтверждением довольно щекотливого факта.

— Еким Михайлович — брат одной умершей из-за «святого» Вытула девушки. Александрой ее звали. Она со своей подругой, Агафьей Михайловной Овечкиной, завсегда это «старца» посещали... Обе здоровые такие девахи были до тех пор, пока «духовными дочерьми» не сделались... Сказывают, с обеими он жил... И вот случилось же с ними что-то хиреть начали, да хиреть, да так и захирели... Обе в позапрошлый год умерли...

Правда, рассказывали, что будто бы они обе от чахотки скончались, только «святой» все же волновался тогда много. Вот и Екима Михайловича, брата Александры, все задаривает как будто. И деньгами помогает, и «главную квартиру» для себя у него имеет... Дело здесь должно быть только нечистое...

И, действительно, как много грязного, порочного и преступного в жизни «старца» Распутина, этого «святого Вытула», и, пожалуй, здесь уже не о церковном суде над ним нужно вести речь, а о его уголовной ответственности.

IX

В первом моем очерке (№ 124 «Ур[альского] кр[ая]») я вскользь уже упоминал о рассказе одного лоцмана с парохода, на котором мне пришлось ехать в Покровское, — «как Григорий Распутин пополняет комплект Ивановского женского монастыря».

Эти новые сведения о похождениях «подвижника» носят такой легендарный характер, что я не решался даже детально останавливаться над этим в печати до сих пор, пока не проверил все на месте, из первоисточника.

Лоцманом на пароходе мне было рассказано.

— О Григории Распутине, господин, я знаю немного. Вот только то и могу говорить, что уж в нашей деревне (Артамоновой, по Тобольскому тракту в 37 в[ерстах] от Покровского) доподлинно известно. А всего болтают здесь о нем, ух, как много! Так что даже за все, как правду, и поручиться нельзя. Ну, а вот как наших девок с деревни он, этот «святой»-то, в монастырь загоняет, — сам знаю. Была у нас деваха такая, красивая, здоровая, кровь с молоком, — Аграфена Меркурьевна. Веселая, хорошая — одно слово, нисколько на богомолку не походила. Это пока «святого» нашего не знала. Зато как узнала о нем, стала его часто навещать, захирела, красоту свою куда-то потеряла, стала много Богу все молиться, о «святом» говорить, а потом совсем решила от мира отказаться и ушла в монастырь на житье. Ивановский монастырь — в 11 верстах от Тобольска. Что с девкой вдруг сделалось, так никто ничего и узнать не может. Только до того деваха была хорошая. Жила ли она со «святым» или не «осветилась» — ничего сама-то не говорит.

Другая девка — Арина Прокопьевна Микурина — откровенней была. В прислугах будто бы у Григория жила наперво, а потом вместе с ним в богомольство и все прочее такое ударились... Родные ее очень восставали против всего этого-то. Особенно братья, — не один раз они посылали мать за сестрой, чтобы, значит, она ее домой привезла, сами срамили, да толку все не получалось... Ей говорят, что мол срам будет, как ты, деваха, с ребенком будешь, а она это Богу молится и одно отвечает: «Дивья бы в Григория-то Ефимовича сынка принести... Не грех!..» Оголтелой дурой совсем стала и вскоре тоже в Ивановский монастырь ушла...

«По собственному желанию идем», — говорят девахи, уходя от мира, а даже нам, старикам, чтой-то не верится. Словно их заманивают в монастырь-то.

— «Святой»-то сильно поддерживает этот монастырь, куда доставляет девах... И деньгами жертвует, и так, как повезут из Ивановского монашки всякую утварь церковную, все скупает... — Еще долго и подробно распространялся лоцман.

Но пока я останавливаюсь лишь на основном факте всего этого рассказа, который *проверен мною и не оказался вымыслом*.

Аграфена Меркурьевна — по фамилии Заякина. Как о ней, так и о другой девушке, Микуриной, все данные подтверждаются вполне.

По-видимому, *обе эти девушки — жертвы распутинского доктринизма...*

Помимо этих фактов, мне удалось еще установить факт нового «подвижничества» Распутина с его доктринерством.

Вот эти новые жертвы: «девица» Авдотья Захарова, крестьянка дер[евни] Лысовой (50 верст от Покровского), и крестьянка дер[евни] Дубровной П. Дубровина.

Обе они теперь также в Ивановском монастыре.

Х

Мелочи из жизни «старца»

Наряду с более серьезными данными «похождений» распутного «подвижника» невольно сталкиваешься и с любопытными мелочами его жизни.

Не исполняя лично никаких крестьянских работ, не имея и наемных рабочих рук, он в то же время имеет очень хорошее сельское хозяйство, которое ведется исключительно бесплатным трудом «духовных дочерей».

«Святой» составил очень выгодный для себя кадр...

Нередко можно видеть, как 5–6 девушек и женщин идут от распутинского дома или в поле, или к огородам.

Это обычно — пресловутая богородица (Лохтина), тетка с племянницей (две «духовные дочери», или «сестры», Распутина), его две родные дочери да одна-две девушки односельчанки.

Рабыни «святого» мазурика! Жертвы психической невменяемости...

Они много делают и в поле, и всецело ведут огородное хозяйство, одновременно успевая и по-домашнему.

Сам же Распутин молится Богу, принимает у себя гостей (теперь их стало меньше), почти никуда не выходит, не выезжает...

Изредка только посетит в Дубровной свою Харитинью...

Но зато «святой старец», говорят, всегда очень любил рыбную ловлю и, по-видимому, не менее любит теперь...

Находясь в опале, он только в этом удовольствии и не отказывает себе здесь, на месте родины и ссылки...

Распутин арендует большие озера у «общества», очень обстоятельно занимаясь рыбным промыслом...

Этому невинному занятию он отдает теперь почти все часы, свободные от моления на дому, моления в церкви, моления на крестных ходах по полям и деревням...

На днях, проезжая мимо дома Распутина, я заметил еще издали такое шествие от дома «святого».

Впереди идет знакомая худощавая фигура с апостольским видом — в синей рубашке нараспашку, в одних «невыразимых», с босыми ногами... На голове высокая шляпа с отогнутыми полями; через плечо перекинута различная рыболовная снасть; в руках апостольский посох... Затем две пары девушек (две «духовных» и две родных дочери «старца»), пожилая с измученным, нервным лицом женщина (Лохтина), старый, но достаточно бодрый по своим летам мужичок (отец «святого»)... Все босые в довольно откровенных костюмах; несут с собой также рыболовные снасти и корзины, по-видимому, с съестными припасами...

А несколько позднее, сзади всех скорым шагом идет высокая, худая женщина, пожилых лет, с больным лицом, и на вытянутых вперед руках несет аккуратно сложенные брюки... Это жена Распутина...

Мне хотелось узнать, как крестьяне села Покровского смотрят на такую оригинальную картинку, и я с видом лица, ровно ничего не знающего, спросил у одного из встречных мужичков: «Что это за странное шествие идет по селу?»

— Это святой на рыбалку отправляется, — были ответом слова...

